

Недавно я прочитала новую книгу Эдуардаса Межелайтиса. «Контрапункт (Лирическая проза)». Известный литовский поэт рассказывает в ней о себе, о своем ремесле, о поэзии и искусстве вообще.

Я люблю стихи Межелайтиса, и мне интересно было слушать лирическую исповедь мастера, интересно очутиться в его мастерской, узнать о его пристрастиях, взглядах, вкусах. Читая книгу, я постоянно ощущала обаяние личности ее автора. Искренность, доверительный тон покорили меня. Мне понравилось, что поэт, делаясь своими размышлениями о жизни, о литературе, приглашает читателя к созерцанию, к сотворчеству. В обращении к читателю, предпосланном одному из разделов книги, автор пишет: «Вы встретите здесь много спорных, отрывочных и зачастую противоречивых мыслей (пусть к истине не прям), найдете и повторения (мысли кружат, как ворон Эдгара По, и вместе с тем стремятся вверх, влекут их звездные выси)». Действительно, книга Межелайтиса построена не совсем обычно в том смысле, что к одним и тем же большим и малым проблемам, занимающим его, поэт обращается по несколько раз, причем бывает и так, что, возвращаясь к теме, он трактует ее иначе, чем раньше. Я не ставлю в упрек любимому поэту такую манеру письма. Я только хочу сказать, что мне не всегда удается разобраться, когда же он ближе к истине, ведь я — просто читатель, а не профессиональный критик, разбирающийся в теории...

И. БЕЛОВА

МОСКВА

ИНТЕРЕС к таким книгам, как «Контрапункт» Э. Межелайтиса, понятен: читатели ищут в писательских откровениях разгадку тайн творчества, их объяснение, ищут то, что остается за пределами художественного произведения и о чем можно лишь догадываться.

То же самое можно сказать и о критиках: анализируя произведения писателя, им, естественно, хочется заглянуть в творческую «кухню», а в высказываниях о литературе увидеть сходство или несходство со своими взглядами и соответственно соглашаться, развивать, уточнять их или вступать в спор.

У нас ежегодно выходят книги писателей о литературе, о творчестве, о мастерстве. И вот теперь — книга Э. Межелайтиса «Контрапункт», которая, на мой взгляд, интересна сама по себе и дает достаточный материал и для согласия с автором, и для полемики с ним.

Мне и прежде были близки мысли Э. Межелайтиса о поэзии, о литературе, об искусстве, я находил в них много такого, что в той или иной форме пытался высказать сам, над чем размышлял. Иногда возникало желание поспорить, уточнить или развить некоторые мысли. Во время коротких и, в силу нашей непобедимой инерции движения, летучих, отрывочных разговоров о книге с ее автором, я понял, что Э. Межелайтис не относится к написанному им как к истине в последней инстанции, да и видно, что он не пытается внушить этого своим читателям. Зная Э. Межелайтиса, я убежден, что он по достоинству

Ал. МИХАЙЛОВ

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

оценит тонкую иронию Лабрюйера: «Пусть каждый старается думать и говорить разумно, но откажется от попыток убедить других в непогрешимости своих вкусов и чувств: это слишком трудная затея».

Но должен ли Межелайтис или кто-то другой отказать от попыток убедить читателей в разумности своих взглядов на искусство? Ведь в этом случае статья или книга рискуют стать лишь фактом личной биографии автора, но не фактом литературной жизни.

Как раз одним из замечательных достоинств книги — лирических этюдов, фрагментов, эссе, включенных в «Контрапункт», — мне, как и читательнице И. Беловой, и представляется доверительный, рассуждающий тон ее, господствующая форма внутреннего монолога, размышления наедине. Но как только предметом размышления становятся основополагающие, стержневые вопросы развития искусства, так своею убежденностью, пафосом утверждения автор увлекает читателя, склоняя его к своей точке зрения.

Я позволю себе процитировать хотя бы одно место из многочисленных высказываний Э. Межелайтиса на тему об общественной функции поэзии, о назначении поэта в современном мире:

«...если поэт не желает утратить трезвое чувство реальности, то его место сегодня там, где идет универсальный анализ структуры Вселенной, где проектируется модель будущего мира. Место поэта — в конструкторском бюро того грандиозного проекта, где на ватмане рождаются архитектурные чертежи грядущего. Место поэта там, где продолжается революционное переустройство планеты, создаются условия для могучего роста духовного мира человека».

Можно было бы, разумеется, найти и другие слова для цитации, но здесь уловлен и точно выражен пафос нового времени — времени научно-технической революции, значение этого явления, связанного с социальными переменами в глобальном масштабе. Я целиком разделяю убежденность поэта в том, что современный художник не может остаться глухим и слепым к величайшим революционным преобразованиям, которые совершаются на земном шаре благодаря невиданному прогрессу науки и техники, благодаря невиданной социальной, политической активности огромных масс народа.

Найдутся, как уже и бывало не раз, полемисты, которые поставят эту формулу «бездумной», рационалистической, исключаяющей любые из поэзии чувства. Они знакомы были еще Маяковскому. Помните: «Знаю, лирик скривится горько, критик ринется хлыстиком выстегать: — А где ж душа?! Да это ж — риторика! Поэзия где ж? Одна публицистика!» Специально для тех, кто любит вырывать строки из контекста и строить на них систему доказательств, процитирую еще одну фразу из «Ночных бабочек»: «Я свято верю, что настоящая поэзия зазвучала впервые в вырвавшемся из груди прикованного Прометея мучительным криком».

Итак, идеал Э. Межелайтиса — Прометеева поэзия, заражающая человека жаждой свободы и жизнеутверждения, борьбы и действия, поэзия, совершающая миллионы «микрореволюций» в душе человека на фоне одной великой революции во внешнем мире. Такая поэзия не может быть безэмпиональной.

Существенно важным мне представляется то, что Межелайтис одним из первых заговорил о «мыслящей поэзии», что при этом он обратил внимание на развитие точных наук, которые поощряют мысль, учат искусству анализа, на то, что мы живем в рационалистическое время, и, чтобы выжить, поэзия все усложняется, становится «умнее», философичнее. «Поэзия чувства, — замечает он, — только чувства — уступает место поэзии мысли. Ничего не поделаешь, такой век. Такой цвет времени...»

Да, такой цвет времени... Но оказывается, как это все непростое! Сформулировав

однажды мысль, поэт возвращается к ней, уточняя, развивая или даже споря с собой. В теоретических высказываниях, в поэтической практике он занят поисками синтеза мысли и чувства. А в ряде мест у него сквозит тоска по лирике дневниковой, исповедальной. Он ратует за философскую, мыслящую поэзию и отказывает ей в праве называться лирикой действия.

А обоснованно ли это противопоставление? Почему мы должны относить к лирике действия только публицистические стихи, содержащие прямые призывы и лозунги? Разве острая современная мысль, воплощенная в стихах с зарази-

тельностью подлинного искусства, не побуждает человека к действию?

Мне кажется, можно на равных основаниях говорить о созерцательной философской лирике, не претендующей на то, чтобы преобразовать мир, и о лирике действия, где философские идеи в поэтическом воплощении становятся активной мобилизующей силой.

Читая «Лирические этюды» Межелайтиса, еще раз убеждаешься, какое громадное значение в формировании художника играет жизненный опыт. Полуголудное деревенское детство, рабочая окраина Каунаса и первые глухие раскаты революционных бурь, университет и нелегальные листовки, прокламации, Отечественная война и общественная деятельность в освобождающей Литве...

Но эта прекрасная «анкета» все-таки одна — хоть и важная! — составная часть личности художника. Я не представляю себе Межелайтиса — поэта, теоретика и эссеиста — вне современной интеллектуальной атмосферы, накладывающей отпечаток на всю его деятельность. «Полагаться только на опыт — значит полагаться только на пищу, не думая о пищеварении», — остроумно заметил Акутагава. Э. Межелайтиса нельзя упрекнуть в этом, он стремится в образованности быть с веком наравне.

Может быть, это и есть тот самый синтез, по крайней мере его основа, который стоит и в творчестве гармонического соединения мысли и чувства? Мне кажется, в последних поэтических книгах Э. Межелайтиса видны усилия найти такое соединение, но больше оно удается именно в целых книгах или циклах,

нежели в отдельных стихотворениях. Впрочем, сейчас мне не хотелось бы отвлекаться от вопросов теории — главного предмета этого разговора, который волнует автора письма в редакцию.

Часто встречаясь с молодыми поэтами (в равной мере это относится и к прозаикам), я заметил, что довольно многие из них прошли неплохую школу жизни. А вот эстетически усваивается этот богатый жизненный материал далеко не всегда. Больше того, многие из молодых и не стремятся к интеллектуальному обогащению, целиком полагаясь на опыт, интуицию, на «натур». Они, мол,

вывезут... Это в наш-то век! Какое горькое заблуждение...

Правда, есть и другая категория молодых поэтов, у которых довольно хорошо развито «пищеварение», а вот самой пищи не хватает. Их иногда называют книжными. Есть среди них, как и среди «интуитивистов», люди даровитые. Что касается эпитета, то я не склонен «книжность» применительно к поэзии употреблять без разбора со знаком минус. Слишком большую роль в жизни человека сегодня играют книжные знания, чтобы отвергать возможность их поэтизации.

Но как выигрывает книжность, когда она повергается жизнью, практикой, личным опытом! И насколько углубляется жизненная конкретность в поэзии, подкрепленная книжным знанием!

Проза Э. Межелайтиса, особенно «Лирические этюды», — проза поэта. Он как бы подтверждает свой тезис: «Проза — дальнейшее развитие той же поэзии». И кстати, появление «серийной, массовой, стереотипной» прозы он связывает с отделением ее от поэзии. Причина же отрыва, по Э. Межелайтису, — в современной цивилизации, в росте материальных возможностей.

Здесь далеко не все ясно, и прежде всего — неясно, в чем же тогда отличие прозы от поэзии и наоборот? Почему и в «Лирических этюдах», и в «Ночных бабочках», и в «Мире Чюрлениса» проза идет вперемешку со стихами? Напомню строчки из «Уличных сюжетов»: «Довольно! Познал я бездну голодных немых времен... Добуду и хлеб и песню, как Франсуа Вийон!»

В лирическом стихотворении, где мысль и чувства выражаются концентрированно, эти строки воспринимаются как поэтическая условность, заострение. В прозе пришлось бы многое объяснять или уж брать на себя ответственность за проделки Вийона, далеко не всегда совместимые с общечеловеческой моралью. В стихах поэт находит образное воплощение сути, сопряжение песни с жизнью, с обыденностью, с преодолением превратностей судьбы. В прозе Э. Межелайтис не смог бы обойтись без жизненных реалий и подробностей, включающих аналогию с подробностями жизни Вийона. Вот различие, подсказанное практикой самого Э. Межелайтиса, — различие между прозой и поэзией. Потому я и считаю, что не надо столь категорично обуславливать одно другим, прозу — наличием в ней поэзии.

Мне понятно и чрезвычайно близко то, что автор «Контрапункта» пишет о новаторстве, исканиях, не порывая с лучшими традициями искусства прошлого. Верны наблюдения о все большем внедрении в поэзию синтетической выразительности, аллегорий, гипербол, обобщений и аналитической мысли. Но мне хотелось бы поспорить с ним насчет «традиционного, гладкого ямба», которому Э. Межелайтис без достаточных оснований отказывает в современном звучании. И не только в передаче «музыки станка», но и в стихах «даже о ручье», из-за того, что «ямб скрывает живую струю». Скрывает ли? У Пушкина — не скрывал: «Ночной зефир струит эфир. Шумит, бежит Гвадалквивир».

«В природе ритм многообразнее, хаотичнее...» — утверждает Э. Межелайтис. Верно. Замечательный русский поэт Николай Заболоцкий, пораженный величием хаоса, как будто даже отказывался искать в нем гармонию («Я не ищу гармонии в природе»). Он был категоричен в выводах: «В ожесточенном пении ветров не слышит сердце правильных созвучий, душа не чувствует стройных голосов». Но знаете, что «снится» этой природе, насытившейся «бесплодной игрой»? «И снится ей блестящий вал турбины, и мерный звук разумного труда, и пенные трубы, и зарево плотины, и налитые током провода». Понески гармонии увенчивает мысль о подчинении хаоса разумной воле человека. И мысль эта поэтически интерпретирована в великодушных ямбах.

Э. Межелайтис пишет: «Я стремлюсь к естественному течению, вольному, натуральному ритму, к поэтической импровизации».

Но это близко именно его мироощущению и, стало быть, его манере.

Иному же мироощущению по-прежнему остается близким ямб — преображенный, мелодически и интонационно обогащенный, но тот же старый, добрый, поистине универсальный ямб. Еще Блок отдавал предпочтение ямбу за его способность выразить ритм того времени, «когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы...»

Даже Маяковскому не удалось сколько-нибудь серьезно поколебать устой этого традиционного метра (помните: «Вам... пришлось бы бросить ямб карттавы...»). А Твардовский уже в пятидесятых и шестидесятых годах своею творческой практикой показывал, что ямб может передать и нечто более грандиозное, чем «гул заводских станков». Например, музыку стальных конструкций («Мост»), ритм и напряжение великой стройки (глава «На Ангаре» из поэмы «За далью — даль»).

И еще в один тезис «Контрапункта» хотелось бы внести некоторые уточнения: «...Лирика — дар молодости...». Эту же мысль высказывал и Белинский. И поэзия — живая, трепетная — опровергала подобные утверждения. Опровергала лирикой Тютчева и Твардовского, Кайсына Кулиева и Межелайтиса. Опровергала удивительной молодостью лирики советских поэтов старшего поколения в 50-х и 60-х годах.

Конечно, молодость — наиболее благоприятное время для лирической поэзии. А Межиров хлестно и категорично заявил: «До тридцати — поэтом быть почетно и срам кромешный — после тридцати». Сам же он совершенно очевидно опровергает это. Да ведь и Э. Межелайтис, не говоря уже о стихах, о лирике, проговаривается: «...настоящая поэзия возникает лишь тогда, когда поэт размышляет...» А разве не с возрастом приходит вкус к размышлению?

«Душа большого искусства — любовь». Это тоже слова Э. Межелайтиса. «Любови все возрасты покорны», — сказал Пушкин. Оставим же право на лирику всем поэтам, без различия возраста.

Увы, я не высказал еще многое из того, что хотел бы высказать в связи с книгой Э. Межелайтиса «Контрапункт». Но, может быть, этот ответ И. Беловой даст хотя бы некоторое представление о роли книг поэтов о поэзии.